

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедѣльный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

II годъ изданія.

№ 20.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 18-ГО МАЯ.

1908 Г.

СОДЕРЖАНИЕ:

„Сказки“—фельетонъ **В. Амфитеатрова**; „Душѣ моей“—стихотвореніе **Рославлева**; „Случайные“—эскизъ **Анны Сансаганской**; Театральная хроника; **Ивана Рунавишников**; „Человѣкъ со стертой фамиліей“—этюда **Александра**; Литература и писатели; Смѣсь; Отъ редакціи.

„СКАЗКИ“.

1. „Майскій жукъ“.

Майскій жукъ былъ мыслителемъ. Еще личинкой, живя подъ землею, по цѣлымъ часамъ о важныхъ матеріяхъ разсуждалъ причеиъ грызъ корешки растеній. Когда выросъ—вылетѣлъ на волю, но достойной привычки своей не бросилъ. Сядетъ на вишни, точить листьа,—дерево портить, значить, борьба за существованіе. Начнетъ грузно по воздуху пареваливаться — о свободѣ, волѣ вспомнить: „хочу—лечу, хочу—нѣтъ!“ Понравится бабочка, что медъ по полю собираетъ—такія эстетическія разсужденія пойдутъ... только держись. Красота вѣчная, абсолютная, неизмѣнная. Такъ жилъ и философствовалъ... Разъ схватила его ласточка и расклевала въ одно мгновеніе: и тутъ онъ не потерялся: о безсмертіи души вспомнилъ. Что взяла? — пропищалъ прямо въ клювъ птицѣ,—„меня слопать — слопаетъ, а душу мою безсмертную уничтожить не можешь...“

2. „Ежевика“.

Въ лѣсу росла ежевика. Добродушный такой кустъ. Никому вреда не причинялъ—если птицы ягоды клевали, не жаловался, даже любилъ съ ними о лѣсныхъ происшествіяхъ перешептываться. Не то, что волчьи ягоды,—тѣ все напакостить наравили... Приманятъ красными ягодами—а, попробуй, съѣшь—отрава. Только одного не любила ежевика, чтобъ медвѣдь ея ягодами

лакомился. Придетъ всегда, неуклюжій, вѣтки поломаетъ, листьа пооборветъ — безобразіе. Разъ явился—не вытерпѣла ежевика, хотъ и боязно было—„Михаилъ Ивановичъ“, говоритъ, „а Михаилъ Ивановичъ“. „Что“, бурчитъ медвѣдь, и хапъ цѣлую пригоршню ягодъ въ пасть—„что надо?“ „Оставь меня ты въ покоѣ, не ломай вѣтокъ моихъ—я вѣдь нѣжная“. „Что—оо?“ заревѣлъ Михаилъ Ивановичъ, „ты разговаривать?“ и, озлясь, пошелъ ломать, —ничего отъ ежевики не осталось. Такъ и погибла бѣдная ежевика.

3. „Кузнечикъ и павилина“.

Кузнечикъ за красавца себя почиталъ: „У меня фракъ зеленый, да усы длинные: прелесть одна! Никто не устоитъ передо мной. И, упоая на зеленый фракъ, сталъ къ павиликѣ свататься. Та смутилась: „знаете, неудобно,—вы—насъкомья, вѣчно прыгаете, я—цвѣтокъ скромный, съ мѣста двинуться не могу—ничего у насъ не выйдетъ!“ Не слушаетъ кузнечикъ, егозитъ тутъ, похваляется: „я-де и красивый, и богатый, и умный, и усы длинные, и глаза на выкатѣ, съ булавочную головку“. Но какъ ни старался, ничего не достигъ: твердитъ павилика свое: „не выгорить наше дѣло“. Разсердился кузнечикъ: „ахъ ты, глупая“, говоритъ,—„тебѣ честь оказываютъ а ты шутики выкидывать. Очень мнѣ нужно? не хочешь выходить не выходи, не заплачу. Съ моей-то красотой я во сто разъ лучшую чѣмъ ты, глупость олицетворенная, найду“

И ускакалъ. Послѣ женился на стрекозѣ—но прожилъ недолго. Черезъ три дня разошлись. Павилика же въ скорости засохла отъ грустнаго одиночества.

4. „Плавунецъ“.

Въ рѣкѣ жилъ плавунецъ. Сердитый такой вѣчно ворчалъ. Плаваетъ и все время брюжитъ, брюжитъ. Увидитъ, рыбка мелкая—снѣтокъ рѣзвится, и начнетъ: „Безобразіе! Легкомысліе! Попадешь на крючокъ: будете знать, какъ безъ дѣла болтаться“. И такъ все. На, что ужъ—тритонъ—звѣрь смирный, и того въ покоѣ не оставлялъ: „Зачѣмъ у нихъ брюшко оранжевое! Уродство... Гадость... Вообще, къ чему ихъ создали... противные какіе-то“. Къ крупной рыбкѣ наружно питалъ уваженіе, но въ глубинѣ сердца своего плавунцоваго осуждалъ... „Глупы, какъ пробки... развелись тутъ... мѣсто занимаютъ“. Разъ какъ-то мальчишки вытащили плавунца на берегъ... Тотъ возмутился: „что за безобразіе. Выпустите сейчасъ же! Я не люблю безъ воды“. Его конечно, не поняли и стали съ любопытствомъ разсматривать. „Ну и порядки“, негодовалъ жукъ, шевеля лапками, „что я вамъ за чудо дался? Вытащили и еще издѣваются!“ Наконецъ, надоѣлъ, выбросили обратно. Обрадовался плавунецъ несказанно, но престижа терять не хотѣлъ: „тише черти“, какъ заоретъ, „этакъ и убить можно“.

В. Амфитеатровъ.

Душѣ моей

Ты ли хочешь радости,
Ты ли хочешь счастья,
Скорбная душа моя
Вѣчная душа!
Или нѣтъ намъ радости,
Или нѣтъ намъ счастья,
Тамъ, гдѣ плачетъ Жизнь моя,
Милая душа?
Ты въ ночи сказала мнѣ:
„Я хочу житейскаго.
Радость жизни просится,
Просится въ меня“.
Ты сама связала мнѣ
Крылья сна житейскаго.
Что же нынѣ просится
Скорбь твоя въ меня!

Ну, полюбимъ женщину,
Поцѣлуй Безсмертнаго
На челѣ грѣховнаго
Идола Земли.
Мы прольемъ на Женщину
Слезы сна безсмертнаго.
Мы убьемъ грѣховнаго
Идола Земли.
Да. Полюбимъ Женщину,
Плачущую Женщину.
Ближе къ сну житейскому
Я не подойду.
Хочешь къ сну житейскому?
Ко грѣху житейскому?
Жди. Святую Женщину
Завтра приведу.

Иванъ Рукавишниковъ.

Человѣкъ со стертой фамиліей.

Около двухъ часовъ ночи обитатели меблированныхъ комнатъ «Лондонъ» были разбужены выстрѣломъ и суматохой.

Застрѣлился мой сосѣдъ по номеру студентъ Орѣшкинъ.

Только мнѣ суждено было узнать странную причину его смерти.

Утромъ я получилъ заказнымъ письмомъ рукопись.

Оставляю ее безъ измѣненій.

Вотъ она:

Глупая шутка...

Вотъ уже четвертый день, какъ кто-то стираетъ мою фамилію. Сегодня я просто хотѣлъ этого не замѣтить. Думаю пройду и не взгляну и конечно взглянулъ.

Всѣ фамиліи какъ были, а моей нѣтъ. Чортъ знаетъ, что такое.

Не буду же я сторожить этого шутника.

Чего ему нужно и наконецъ, почему меня раздражаетъ такой пустякъ.

Издергался я, а все потому, что всегда одинъ. Я и въ дѣтствѣ отъ всѣхъ бѣгалъ и въ гимназіи меня за это не любили.

Говорить я не умѣю. Вотъ что.

Всѣ говорятъ, и нѣкоторые даже очень хорошо говорятъ, а главное всегда держатъ про себя.

Я такъ не могу.

Вчера, напримѣръ, подходитъ ко мнѣ рыжеволосая дѣвица и очень ласково спрашиваетъ:

«Товарищъ, на кого вы всегда сердитесь».

«Ни на кого» говорю.

— Почему вы такой бука.

— А вамъ это зачѣмъ знать.

— Да такъ, можетъ у васъ на душѣ скверно.

— Ну, и что-же.

— Вдвоемъ лучше.

Посмотрѣлъ я на нее, дѣвица вертлявая, глазки бѣгаютъ. Любви, думаю тебѣ хочется. Такъ и сказалъ.

Покраснѣла, обозвала дуракомъ и ушла. Конечно. Это ужъ очень просто. Надо съ лазѣчкой—тонко. У нихъ души то изъ сусальнаго золота.

Правды ищутъ, боговъ лѣпятъ, а словъ боятся.

У каждаго слова корни есть, и еще какіе корни, другое слово не скоро изъ души выдернешь.

Слова кровь пьютъ. Да-съ.

Вы мнѣ, барышня, дуракъ сказали, а я сіе въ исторію человѣческой души вписалъ.

Справедливость дама тонкая. Она васъ за это не похвалитъ.

Справедливость... Мнѣ кажется справедливъ только тотъ, кто никому не мѣшаетъ.

Въ такомъ случаѣ какое-же вы имѣете право, милостивый государь, стирать мою фамилію.

Мнѣ это конечно все равно.

Я скажу коридорному, чтобы онъ ее не возобновлялъ.

Если хотите стирать, то и пишите сами. Веселое занятіе.

Сегодня я мальчишески несуразенъ.

Торжествуйте милый забавникъ.

Вы, конечно, хотите навѣять на меня смутные страхи, а я, представьте, хочу испытать ваше терпѣніе и потому вопреки моему вчерашнему рѣшенію расписался самъ и даже съ росчеркомъ.

Вы стерли, а завтра тоже, и послѣ завтра. Милліоны лѣтъ.

Игра въ жизнь и смерть, а вдругъ мы встрѣтимся, я съ мѣлкомъ, вы—съ губкой. Вотъ глупо.

Столкнулся на Аничкиномъ мосту съ какимъ-то старикомъ.

Съ головой закутанной въ пледъ, въ лѣтнемъ пальто и безъ калошъ.

Онъ почти бѣжалъ и я слышалъ его дыханіе.

Мнѣ захотѣлось дернуть его за рукавъ и спросить:

«Послушайте, вы мнѣ кажетесь подозрительнымъ, не вы-ли стираете мою фамилію».

Если еще разъ встрѣчу—непремѣнно спрошу.

Завтра напишу печатными буквами, потомъ буду переводить на всѣ языки, чтобы вамъ не было скучно. Однако довольно, къ чорту.

Когда возвращался домой, мнѣ пришла въ голову забавная мысль.

Собрать многое множество людей безъ различія пола и возраста.

Дать каждому по липовой погребушкѣ и при этомъ сказать.

«Если вы считаете себя правыми во всемъ, что вы дѣлаете, вотъ вамъ: трясите и радуйтесь, настало царство небесное».

Мнѣ кажется, что исключая идиотовъ и дѣтей, да пожалуй нѣкоторыхъ женщинъ, всѣ бы отказались отъ такого счастья.

Тогда спросить: почему. Въ чемъ вы повинны.

Тутъ бы и произошелъ скверный анекдотъ.

Чтобы не показаться глупымъ, каждому было бы пріятно сознаться во всей своей мерзости.

Поистинѣ послѣдняя ступень убожества. Было бы лучше притвориться добрыми дураками.

Заходилъ вернувшійся послѣ долгихъ скитаній Жихаревъ. Шалый онъ; носится изъ стороны въ сторону безъ руля и безъ вѣтриль, соритъ деньгами и пишетъ стихи. Мнѣ кажется надо быть большимъ бездѣльникомъ, чтобы хорошо подбирать рифмы. Я слышалъ какъ ему отперли и онъ спросилъ здѣсь ли я живу.

Въ его привычкѣ задавать праздные вопросы.

Я ему это замѣтилъ. Онъ сказалъ, что моей фамиліи нѣтъ на доскѣ.

А если бы она была, развѣ бы это что-нибудь значило.

Можетъ быть я пять лѣтъ тому назадъ умеръ, а мой шутникъ продолжаетъ шутить.

Жихаревъ человѣкъ пустой. Гдѣ ему понять что у каждаго есть свой шутникъ.

Разсказывалъ о Китаѣ. Увлекательно. Мнѣ даже показалось, что онъ самъ похожъ на китайца. Глаза у него раскосые да и слова нѣкоторые... Не люблю я лицъ съ экзотическими намеками.

Я замѣтилъ въ немъ одну странность. Говорить, говорить, потомъ вдругъ уставится и подозрительно посмотритъ. Что это, спрашиваю, у тебя за манера.

Да такъ, знаешь, и замялся. Просидѣлъ до часу. Я его проводилъ.

Дома тяжелые, хмурые. Небо какъ сажа. Снѣжокъ порошить. Изъ угловой пивной всегда кого-нибудь вышибаютъ. Сегодня попало какому то Сережѣ въ котелкѣ.

Сережа плакалъ, грозилъ кулакомъ и сквернословилъ, а за дверью распѣвалъ грамофонъ.

Отвратительная это штука. Бойтесь грамофоновъ. Они приучаютъ къ безразличію.

Прежде чѣмъ войти къ себѣ, зажегъ свѣчку и еще разъ подтвердилъ свое драгоценное бытіе.

Встану въ шесть часовъ. Если стерто—значитъ онъ принялся за дѣло серьезно. Подожди, я тебя поймаю.

Стерто. Я проснулся въ пять. Еще было темно. Со свѣчей, не одѣваясь пошелъ взглянуть.

Стерто. Написалъ опять, а когда ухотился на лекціи, фамиліи уже не было.

Онъ бдителенъ и настойчивъ.

Ясно, онъ хочетъ внушить мнѣ что я не существую.

Какъ будто такъ трудно доказать противное.

Развѣ мало того факта, что я объ этомъ пишу, что вотъ сейчасъ посадилъ кляксу.

Можетъ быть прикажете понимать васъ въ иномъ смыслѣ.

Можетъ быть надо стать Наполеономъ, а быть Орѣшкинымъ еще не доказательство.

Дѣйствительно, что такое Орѣшкинъ. Объ немъ думаютъ меньше, чѣмъ о бациллѣ куриной холеры. Орѣшкина нѣтъ въ числѣ тѣхъ, кому принадлежитъ священное право ходить по комнатѣ заложивъ руки въ карманы и размышлять о судьбахъ человѣчества.

Геніи строители жизни. Каждый хочетъ спасти одинъ.

Они соревнуютъ въ новизнѣ пріемовъ.

Какъ изъ глины лѣпятъ изъ кусковъ человѣческаго мяса.

О конечно, все изъ-за любви къ дальнимъ, а кто изъ нихъ былъ настолько не мѣщанинъ, чтобы скрыть свое имя.

Что тамъ говорить, у нихъ неразрывная дружба съ Геростратомъ, этимъ отцомъ рекламы.

Это они стерли Орѣшкина, чтобы начертить на его мѣсто свои великолѣпные имена.

Стерли человѣка.

Ради чего, ради счастья человѣчества?

Есть ли такіе вѣсы, чтобы вѣсить правду?

А что если ваша геніальность ничто иное, какъ величайшее мошенничество.

Что если придетъ безликій и разоблачитъ васъ и этимъ безликимъ буду я? бывший Орѣшкинъ?

Да, бывший, потому что я гордъ и дарю вамъ Орѣшкина.

Цѣлый день просидѣлъ дома. Послѣ обѣда рѣшилъ обойти всѣхъ жильцовъ и объясниться. Я не Орѣшкинъ, а чортъ знаетъ что, поэтому оставьте меня въ покоѣ.

Такъ и сдѣлалъ.

Шутники. Первый же изъ нихъ притворился непонимающимъ.

Но начну по порядку.

Почистилъ брюки, надѣлъ новую ту-журку, принялъ соотвѣтствующій видъ и постучался въ 14 № къ моему сосѣду.

Онъ видимо спалъ. Отперъ мнѣ взъерошенный, въ распоясанной рубашкѣ. Комната у него грязная. На полу окурки. Столъ безъ скатерти. На окнѣ бутылки изъ подъ пива.

— Простите, что беспокою, — началъ я, — у меня къ вамъ дѣло.

Какъ и надо было ожидать, шутники не любятъ дѣловыхъ разговоровъ.

Онъ даже не пригласилъ меня сѣсть.

— Видите ли, — продолжалъ я, — будемъ говорить на чистоту. Вамъ во что бы то ни стало желательно меня стереть.

Не входя въ оцѣнку того, насколько это хорошо или дурно, я долженъ вамъ сказать, что вы можете не беспокоиться. Я уже не Орѣшкинъ.

Шутникъ изумился.

Еще бы, онъ конечно этого не ожидалъ и чтобы скрыть свое смущеніе сказалъ:

— Я васъ не понимаю.

— Ну, возразилъ я, вы прекрасно понимаете. Сознайтесь, что вамъ просто не особенно пріятенъ подобный разговоръ. Вы конечно затѣяли всю эту тонкую игру вовсе не для того, чтобы такъ скоро ее кончить. А я вотъ вамъ еще разъ повторяю—я уже не Орѣшкинъ.

— Счастливо оставаться.

Я всталъ и вышелъ, а онъ съ разинутымъ отъ удивленія ртомъ такъ и остался сидѣть на диванѣ.

Хотѣлъ постучаться въ слѣдующій номеръ, но раздумалъ.

Зачѣмъ? Все равно этотъ шутникъ сейчасъ же все разскажетъ другимъ.

Такъ и случилось. Не прошло минуты, какъ онъ позвонилъ коридорнаго. Они долго бесѣдовали. Я слышалъ какъ онъ сказалъ—этотъ сумасшедшій.

Они и не догадываются какъ я ихъ ловко разоблачилъ.

Гулялъ по Невскому. Старался толкать и всячески задѣвать прохожихъ. Съ чрезвычайной привѣтливостью раскланивался на всѣ стороны.

Какая то дама въ траурѣ даже остановила извозчика. Слѣдовательно все идетъ какъ нельзя лучше. Орѣшкина нѣтъ, а футляръ дѣйствуетъ. Зашелъ въ кафе. Противъ меня господинъ съ полной бритой физиономіей читалъ газету. — Вѣроятно актеръ. Когда онъ всталъ чтобы взять другую—я сѣлъ на его мѣсто.

Онъ нисколько не удивился, а такимъ тономъ, какъ будто бы обращался къ шляпѣ или вообще къ чему то неодушевленному сказалъ:

«Здѣсь сажу я».

Успѣхъ несомнѣнный. Меня уже кое-кто знаетъ. Когда я стоялъ у витрины книжнаго магазина кто-то замѣтилъ: «это онъ». Мой сосѣдъ, встрѣтившись со мной на лѣстницѣ, почтительно посторонился. Это знаменательно.

Вотъ что значитъ во время найтись.

Орѣшкина больше не стираютъ.

Онъ существуетъ только на доскѣ.

Къ вечернему чаю не было лимона.

Пошелъ купить.

Чернышій приказчикъ всегда очень суетливъ и любезенъ.

Я ему замѣтилъ, что угнетательное это занятіе продавать лимоны.

Онъ не зналъ что, отвѣтить. Кажется, обидѣлся.

Долго рылся въ ящикѣ и вѣроятно наконецъ выбралъ скверный.

Какъ только меня больше узнаютъ и мое ничто сдѣлается чѣмъ то, начну дѣйствовать рѣшительнѣе.

Да надо не забыть сказать, чтобы всѣ письма на имя Орѣшкина возвращали за ненахожденіемъ адресата.

Цѣлую недѣлю не раскрывалъ дневника, а такъ много надо сказать.

Мнѣ принадлежитъ честь величайшаго открытія. Я нашелъ вѣрный способъ сдѣлаться геніемъ.

Прививка геніальности. Послѣ долгихъ опытовъ я получилъ родъ новаго газа.

Правда, онъ съ большими трудностями перерабатывается въ жидкость, но это зависитъ отъ нѣкотораго совершенства аппаратовъ.

Несложная операція надъ черепомъ, нѣсколько капель и вы—геній.

Только одно неперемѣнное условіе. Передъ прививкой надо отказаться отъ самого себя, иначе она не дѣйствуетъ.

Всѣ цифры и чертежи мною уже посланы въ академію.

Сдалъ объявленіе въ газеты. Это я пожалуй поторопился. Будутъ надѣдать репортеры, а у меня еще масса дѣла. Самъ я отъ прививки заранѣе отказываюсь.

Футляръ сдѣлалъ больше, чѣмъ Орѣшкинъ.

—Этого для меня достаточно. Я не безъ гордости стоялъ передъ памятникомъ Пушкина и мнѣ было жаль, что онъ благодаря своему бронзовому происхожденію лишень дара слова.

Зашелъ въ лавку и обнадежилъ черненькаго приказчика.

— Поздравляю, сказалъ я, вы больше не будете продавать лимоновъ.

Удивился.

Ко мнѣ кто-то заходилъ. Судя по описанію Жихаревъ.

Вотъ кто-бы за прививку отдалъ полувину своихъ миллионовъ.

Приятно, чортъ возьми, ни съ того, ни сего сдѣлаться Байрономъ.

Переставилъ мебель. Стулья расположилъ полукругомъ около стола. Такъ будетъ удобнѣе для пріемовъ.

Когда я перевѣшивалъ зеркало, поступчалась хозяйка.

Спросила съ подобострастіемъ, что я дѣлаю и всѣмъ ли доволенъ? Какое у нихъ паразитическое чутіе.

Когда я былъ Орѣшкинымъ, она этого не дѣлала, а теперь что за тонъ, что за слова.

Объяснилъ ей, что благодаря моему исключительному теперь положенію такъ будетъ удобнѣе и поблагодарилъ за заботливость. Постояла, помялась и ушла.

Видимо, ей хотѣлось поболтать со мной объ открытіи.

Ахъ—эти женщины.

— Не смѣйте. Я вамъ говорю не смѣйте.— У меня голова не поганная пушка и ради вашего удовольствія я не буду ее заряжать всякимъ хламомъ.

Мнѣ нужна была доска для опыта.

Образъ. Какой тамъ образъ. Тутъ дѣло о перестроеніи жизни, а они лѣзутъ съ пустяками.

Народы, вотъ я безликій говорю вамъ: радуйтесь.

Всѣмъ вамъ, уставшимъ отъ унижительныхъ работъ, сгоравшимъ въ черномъ пламени отчаянія, говорю: радуйтесь.

Слагайте пѣсни, пишите картины, но помните о форточкахъ.

Шутники додумались.

Они пропитали стѣны моей комнаты такимъ составомъ, что я чуть не задохнулся.

Если бы не форточка, мнѣ бы пришлось плохо. Этотъ составъ выкапывается изъ стѣнъ шариками. Я собралъ нѣсколько такихъ шариковъ.

Завтра я ихъ изслѣдую.

Хозяйка въ разговорѣ съ шутниками. Она отказала мнѣ отъ комнаты и унесла зеркало.

Они хотятъ лишить меня отраженія.

Ничего противъ этого я не имѣю.

Даже больше. Я готовъ отказаться въ ихъ пользу отъ чего угодно, даже отъ моего открытія, если бы его идея въ корнѣ

своемъ не противорѣчила праву собственности.

Заходилъ къ Жихареву. Не засталъ дома.

Оставилъ ему записку, въ которой поздравилъ съ будущими божественными твореніями.

Взялъ у него со стола браунингъ.

Это единственное изобрѣтеніе, достойное долгой памяти. Я говорю: памяти. Послѣ меня оно уже никому не понадобится.

Опять напустили. Несмотря на сильный морозъ, пришлось выставить окно.

Изслѣдовалъ шарики. Мастерски сдѣланы.

Если положить шарикъ въ воду—онъ вертится и шипитъ, а вода становится красной и горькой. Это они изъ Апокалипсиса вычитали (звѣзда Полюнь).

Ничего, это меня мало беспокоитъ.

Заявилъ хозяйкѣ, что завтра освобождаю комнату.

Приказалъ никого не принимать.

Сегодня на улицѣ по случаю моего открытія праздничное оживленіе и флаги.

Только одно меня раздражаетъ. Разные предметы, которыхъ я раньше не замѣчалъ, начинаютъ оживать и рѣзко выражаютъ свое неудовольствіе.

Даже кулекъ изъ подъ сахара заявилъ, что онъ этого не желаетъ.

Я рѣшилъ это пресѣчь въ самомъ началѣ.

Иначе не справиться.

Выбросилъ кулекъ за окно.

Подсвѣчникъ тоже.

Сегодня же напишу въ академію дополнительное объясненіе.

Хотя вліяніе вещей неоспоримо, но имъ слѣдуетъ указать свое мѣсто, иначе выйдетъ чортъ знаетъ какая путаница.

День величайшаго духовнаго удовлетворенія, котораго не испытывалъ ни одинъ человѣкъ.

Никогда не узнаютъ они, кто ихъ облагодѣтельствовалъ.

Эти листки я вырву изъ тетради и пошлю моему сосѣду.

Пусть все здѣсь написанное онъ прочтетъ вмѣстѣ съ другими шутниками. Читайте и уязвляйтесь. Это мой отвѣтъ вамъ.

А я безгранично счастливъ. Дать все, стать богомъ и уйти.

Достоуважаемая мадамъ Пурицъ, я освобождаю вашу квартиру.

Все разрѣшилось.

Но кто это говоритъ, что у меня стеариновая голова. Я совѣтую повоздержаться отъ подобныхъ замѣчаній.

Они опять пропитываютъ стѣны.

Раскрылъ окно.

Сколько звѣздъ. Сколько звѣздъ. Люди, разорвите пути, связавшія васъ съ землей. Я далъ вамъ крылья.

Стеариновая голова.

Оловянный вашъ языкъ.

Замолчите. Дайте сообразить. Никакому богу отнынѣ нѣтъ на землѣ мѣста, если онъ не хочетъ быть поработеннымъ.

Освобожденные, стройте жизнь Вавилонской башней по лбу тому, кто ее разрушилъ.

Александръ Рославлевъ.

СЛУЧАЙНЫЕ.

Эскизъ Анны Саксаганской.

Они встрѣтились въ одинъ изъ самыхъ дождливыхъ, скверныхъ дней больной осени когда кругомъ все стонетъ, плачетъ и глядитъ уныло безнадежнымъ взоромъ. Они столкнулись на плохомъ провинціальномъ тротуарѣ, и онъ ей помогъ взойти на трясущіяся, охавшія, словно отъ злобы, обгрызлыя ступеньки. Вокругъ ныло, какъ отъ зубной боли и глядѣло хмуро, непріязненно.

Они пошли рядомъ, точно такъ надо было. Она не удивилась, увидя его сбоку, и только равнодушно скользнула своимъ печальнымъ взоромъ по его промокшей фигурѣ.

— Хотите зонтикъ? Онъ у меня большой. Онъ взялъ ее подъ руку, какъ давній знакомый, холодно равнодушно и прикрылъ ее чернымъ шелкомъ. Ей было все равно. Было тяжело и уныло, какъ въ склепѣ. Жизни не было и въ душѣ царствовалъ мракъ, гдѣ свободно выло чувство, какъ въ холодную стужу псы.

Она привыкла къ этому вся и отдалась ему равнодушно, вяло. Но иногда вдругъ, какъ зарница, вспыхивало иное чувство, тревожное, больное, душа дробилась на мел-

кія части и охваченная безумной тоской, она начинала метаться, будто въ агоніи, въ отчаяніи ломала руки и падала, какъ дубъ сраженный молніей.

Она лежала долго, долго, прижимаясь къ холодной груди пола, омывая его слезами. Ея стоны катились по комнатѣ, наполняя ее волнами отчаянія, тоски и муки.

Но умолкалъ вопль души и она опять вставала холодная, безчувственная, съ сжатыми губами и ея большіе, черные глаза глядѣли широко и неопредѣленно.

Они шли долго, тягуче и думы безсвязныя, рыхлыя, проползали въ опущенныхъ головахъ.

Мимо шли такіе же странные, сѣрые, какъ будто потные, мокрые отъ дождя, люди.

Они не интересовали ихъ, какъ не интересовались они другъ другомъ, но шли они вмѣстѣ, словно волна ихъ хлеснула неожиданно одинъ на другого и они, не имѣя ни силъ, ни энергіи разойтись, поплелись бокъ о бокъ, какъ случайные пассажиры, равнодушно, холодно.

Дождь лилъ грубо, бессмысленно. Безобразныя, голыя скрученныя вѣтки, какъ тѣло старости; были сѣры, жалки и противны. Чувалась всюду смерть, казалось она

машетъ большими, дымчатыми крыльями и опускается все ниже и ниже надъ землею, заколачивая надъ нею крышку гроба.

Стемпло. Черныя тѣни жадно накинулись и поглотили все ясное.

Сквозь мракъ сверкнули, какъ Ивановы червячки въ зеленой листьѣ огоньки живущихъ, они пробѣгали быстро изъ одного каменнаго гроба въ другой замирали, вспыхивали, бросали искру жизни въ эти сѣрые неуклюжіе дома, склепы.

За стекломъ что то двигалось, замогильными тѣнями. Онѣ трепетали, вертѣлись и бились, будто бабочки у огня.

Они шли долго. Ноги промокли и тяжело ступали по водѣ. Было зябко и неуютно, но какая то сила, а, можетъ быть, вялость мускуловъ, не давала имъ разстаться.

— Зайдемъ! Она наклонила голову въ знакъ согласія и, не говоря ни слова, вошла въ темную пасть двери. Пахнуло на нее кислымъ, мерзкимъ; слышались гром-

кіе голоса, грубый хохотъ, и керосиновая лампа копѣла и чадила, ярко вспыхивая всякій разъ отъ раскрываемой двери, словно застѣнчивая дѣвушка при первомъ поцѣлуѣ.

Комната маленькая, грязная, диванъ съ визжущими, стонущими пружинами. Замусленное зеркало, а въ углу какимъ то чудомъ прижалось, какъ отъ стыда, свѣтло-краснаго свѣта, будто окрашенное кровью, пианино.

Оно было старо, жалко все испещрено, въ морщинахъ.

Онъ сѣлъ на диванъ, подперъ руками голову и уперся тупымъ взглядомъ въ грязную, тоскливую стѣну. Она освободилась отъ липкой одежды и подошла къ инструменту.

Пианино завизжало, зашипѣло, какъ грудь чахоточнаго и начало вдругъ захлебываться и рыдать старческимъ, беспросвѣтнымъ рыданіемъ. Казалось, оно хотѣло выплакать за долгіе годы погубленную мо-

лодость, жаловалось на совершаемыя здѣсь много, много лѣтъ подрядъ, преступления, сопровождаемыя грубымъ хохотомъ, пьяными ласками, продажей и куплею человѣческихъ душъ.

Будто тѣни преступленія встали и рыдаютъ этими тяжелыми звуками.

Стоны ихъ вихремъ носились по комнатѣ и, дѣлалось страшно и тяжело.

Послѣдняя нота оборвалась и замерла.

Она встала, подошла къ дивану и взглянула на него широко, остро и губы ея дрожали, какъ листъ въ бурю и чувствовались рыданія, которыя незримо бушевали внутри и бились, какъ волны морскія, о скалы ея сердца.

Онъ закрылъ глаза, схватился за голову и безъ словъ понялъ ее одинокую, жалкую, брошенную въ тѣмную жизнь. А она стояла, смотрѣла на него и плакала сухими, знойными, какъ смерчь, слезами.

Театральная хроника.

ОПЕРНЫЙ ТЕАТРЬ.

За послѣдніе годы всѣ оперныя предприятия частныхъ антрепризъ въ столицахъ и въ провинціальныхъ городахъ несомнѣнно переживаютъ кризисъ, такъ какъ обыкновенно терпятъ убытки; едва влечать свое существованіе, или «прогораютъ».

Это явленіе, — любопытное и поучительное, — кажется до сихъ поръ не привлекало особаго вниманія специальныхъ сферъ. Между тѣмъ, надъ вопросомъ этимъ стоитъ задуматься и вполне своевременно въ немъ разобратся.

Цифровыя данныя различныхъ оперныхъ антрепризъ показываютъ, что даже хорошіе сборы не предохраняютъ отъ убытковъ широко поставленное оперное дѣло. Главная причина, конечно, громадныя бюджеты оперныхъ труппъ. Оркестръ, хоръ, балетъ, нотная бібліотека, костюмы, авторскіе — все это стоитъ, даже при скромномъ веденіи дѣла, большихъ денегъ, не считая громаднаго расхода на вознагражденіе такъ назыв. „персонажей“, т. е. первыхъ артистовъ и всего состава. Въ общемъ, средней суммой бюджетъ для оперы можно взять приблизительно — 30.000 рублей въ мѣсяцъ.

При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, т. е. при хорошемъ составѣ труппы, при порядочныхъ сборахъ спрашивается: многіе ли города могутъ окупить такое дорогое содержаніе театра? Съ увѣренностью можно отвѣтить, что такихъ городовъ очень мало. Если бюджетъ уменьшить на половину до 15.000 рублей въ мѣсяцъ, то **непремѣнно** весь оперный ансамбль будетъ плохъ и привлекать публику не будетъ.

Наша провинціальная публика вообще капризна и угодить ей трудъ не малый, а самый главный ея недостатокъ — это стремленіе „за свои деньги“ видѣть побольше новаго. Повтореній она не любитъ и въ оперномъ театрѣ допускаетъ ихъ только для нѣкоторыхъ любимыхъ оперъ. Разнообразіе же репертуара достигается только путемъ большихъ затратъ, а для средней антрепризы это тягостно и почти неисполнимо. Оживленіе сезона приглашеніемъ гастролеровъ опять неизбежно ведетъ къ ослабленію сборовъ и нарушаетъ правильное веденіе репертуара.

Вполнѣ понятно поэтому, что количество оперныхъ антрепризъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Солидныхъ антрепризъ осталось одна, двѣ не больше. Остальное — случайныя предприятия. Казалось-бы естественнымъ отъ такого положенія дѣла сокращеніе гонорара гг. артистовъ, хора, оркестра и пр. Въ дѣйствительности же наблюдается обратное явленіе: гонорары возрастаютъ. Положеніе оперныхъ антрепренеровъ въ высшей степени тяжелое, если это люди добросовѣстные... Имъ приходится нести большіе убытки. Для случайныхъ же предпринимателей, которымъ нечего терять, — обязательный прогаръ и неуглата артистамъ...

Ко всѣмъ трудностямъ веденія опернаго дѣла нужно добавить еще нѣчто новое, явившееся за послѣдніе два, три года. Это „нѣчто“: повышеніе требованій публики въ отношеніи постановки оперъ не только со стороны декоративной и бутафорской, но — и общаго ансамбля исполнителей. А именно „ансамбля“ — то въ оперѣ до сихъ поръ нѣтъ. Если солисты приличны, то хоръ остается

до сихъ поръ совершенно не дисциплинированнымъ. Оперная толпа частныхъ театровъ почти всегда плохо загремирована и плохо одѣта... Конечно, это на публику дѣйствуетъ отвратительно. Пропадаетъ настроеніе и является досада, или смѣхъ, когда на сценѣ появляется непричесанная, неумытая, возмутительная толпа хористовъ, нелѣпо помахивающихъ руками. Согласитесь, что рутинныя оперныя постановки со всѣми ихъ условными курьезами совершенно немыслимы въ настоящее время, когда даже маленькій драматическій театръ щеголяетъ тщательностью постановокъ. Оперный театръ (исключая Императорскій) въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь, оставаться не можетъ. Ему суждено погибнуть медленной, но вѣрной смертью отъ **худосочія**. Реформировать оперное дѣло необходимо и реформа должна быть серьезная. На основаніи цѣлаго ряда фактическихъ данныхъ можно доказать, что частная опера вездѣ и всегда даетъ убытокъ, или разоряетъ предпринимателей. Этотъ выводъ касается не двухъ, трехъ послѣднихъ лѣтъ, а обнимаетъ собою цѣлый періодъ почти въ двадцать лѣтъ.

Частный оперный театръ, не субсидируемый городскимъ управленіемъ, (или правительствомъ) можетъ существовать только на акціонерныхъ основаніяхъ съ крупнымъ капиталомъ. Чтобы оперный театръ былъ художественнымъ и удовлетворялъ современнымъ требованіямъ, необходимо совдѣть его совершенно на новыхъ началахъ, отказавшись отъ многосложныхъ традицій нелѣпыхъ и устарѣвшихъ. Интеллигентнымъ музыкально образованнымъ руководителемъ новаго опернаго художественнаго театра при-

дется создать прежде всего новый, свѣжій оперный хоръ изъ молодежи. На приготовленіе новаго, вѣрнѣе обновленнаго, репертуара, декораціи, обстановки, собственныхъ костюмовъ придется употребить нѣсколько мѣсяцевъ усиленной работы. Всего лучше для этого лѣтніе мѣсяцы. Весь составъ труппы долженъ быть приглашенъ на годовое жалованье. Лучшимъ образцомъ для веденія всего дѣла можетъ служить организація «Московского художественнаго театра». Вотъ пока на этихъ соображеніяхъ, изложенныхъ нѣсколько поспѣшно можно остановиться до слѣдующей статьи, предметомъ которой будетъ выясненіе подробностей, чего необходимо избѣжать въ новой постановкѣ опернаго дѣла и какія задачи ему придется разрѣшить. Въ высшей степени желателенъ былъ-бы обмѣнъ мнѣній специалистовъ и вообще лицъ, интересующихся развитіемъ русскаго музыкальнаго искусства. **Асерманъ.**

„САЛОМЭ“ Р. ШТРАУССА.

Р. Штрауссъ, написавъ музыку на драму Оскара Уайльда, назвалъ эту оперу въ одномъ дѣйствіи „музыкальной драмой“. Я позволилъ бы себѣ съ дерзостью „Профана“ дать ей другое названіе, а именно: „Музыкальное терзаніе въ одномъ актѣ“... Страшная головная боль, необычайно издерганные нервы—вотъ результатъ спектакля, на которомъ мнѣ пришлось быть въ Варшавѣ. Это музыкальный кошмаръ. Пусть меня, не достаточно свѣдущаго въ контрапунктическихъ ухищреніяхъ, назовутъ варваромъ, невѣждой, но я останусь при своемъ особомъ мнѣніи, что это не музыкальное искусство, а паталогія. Болѣе чувственной, полной самага утонченнаго эротическаго экстаза-музыки—до сихъ поръ не было написано. Оскаръ Уайльдъ нашелъ своего alter ego въ лицѣ Штраусса. Опера „Саломэ“ въ одномъ актѣ, идущемъ безъ антракта полтора часа, въ одной декораціи,—поставлена была въ Варшавѣ въ той же обстановкѣ и *mis en scene*, какъ она шла въ Германіи. Исполнителями были гг. польскіе оперные артисты: Бандровский (теноръ) Иродъ; г-жи Олеская Иродіара, Шипанекъ-Саломея; г. Завиловскій—пророкъ Іоганаанъ. Всѣ, перечисленные мною, главные исполнители даютъ отличный ансамбль, достигая большаго впечатлѣнія въ этой оперѣ, требующей исключительной выносливости голоса и большой музыкальности, такъ какъ гармонія Штраусса дѣлаетъ почти невѣроятнымъ вѣрное, точное исполненіе. Жаль было слушать исполнительницу Саломэ (г-жи Шипанекъ), жертвующую свой хорошій голосъ на эту не имовѣрно трудную, утомительную партію. Особенно сильное впечатлѣніе оставляетъ сцена Саломэ съ головой Іоганаана, когда Саломэ, въ эротическомъ изступленіи цѣлуетъ мертвца, еще не остывшія уста пророка, изливая свои жалобы и восторги въ безконечно длинной аріи. Это мѣсто, чѣмъ оно лучше исполняется, тѣмъ отвратительнѣе чувство зрителя... Когда Иродъ, не обладавшій, мнѣ кажется, особой чув-

ствительностью, отвертывается съ ужасомъ отъ этой сцены, а затѣмъ бѣшено выкрикиваетъ стражъ: „Убить ее!“ въ финалѣ оперы—у меня (да и у всей публики, думаю) невольно вырвалось вздохъ облегченія, что онъ прекратилъ эту патологическую сцену.

Есть такая книга Мирбо, недавно появившаяся въ русскомъ переводѣ, выдержавшая заграницей нѣсколько изданій—„Садъ пытокъ и смерти“. Книга, написанная какъ будто специально для эротомановъ и извращенцевъ всякаго рода—она, эта книга, такъ похожа по впечатлѣніямъ на оперу Штраусса. То же кошмарное, омерзительное чувство по прочтеніи ея и тѣ же издерганные нервы...

Когда я выходилъ изъ театра въ толпѣ зрителей, я видѣлъ у большинства на лицахъ смущенно-брезгливое выраженіе. Возможно, что я ошибаюсь, но мнѣ казалось, что на всѣхъ этихъ лицахъ я читалъ одинъ и тотъ же недоумѣвающий вопросъ: „зачѣмъ на сценѣ, въ театрѣ даютъ такіе, бедредащіе душу, кошмарныя зрѣлища?“ Я рѣшаюсь, какъ профанъ, сказать, что не нужно такихъ спектаклей, что такіе произведенія искусствъ не должны допускаться на сцену и не потому, что въ нихъ выведены Свят. лица, а по ихъ духу, по отсутствію въ нихъ намекъ на эстетику. Къ сожалѣнію мы съ каждымъ днемъ все дальше уходимъ отъ источника свѣта въ искусство—отъ красоты формъ и содержаній, впадая въ крайности: въ безнадежный пессимизмъ или парнографію. „Крайніе лѣвые“ музыканты въ бѣшенномъ восторгѣ отъ удивительныхъ оркестровыхъ эксцентричностей партитуры и находятъ все въ ней геніальнымъ. Имъ и „книги въ руки“, а я пока, въ качествѣ профана сказалъ свое искреннее мнѣніе. По моему глубокому убѣжденію геній и красота неразлучны и, мнѣ кажется, и то и другое есть въ Вагнерѣ, но въ произведеніе Р. Штраусса много блеска, много оригинальности, но какой же это геній??

Профанъ.

Московский художественный театр.

Чудная постановка драматической поэмы Генриха Ибсена «Брандъ», чрезвычайно сложной пьесы, блестяще удалась московскому художественному театру и дѣлаетъ честь поставившимъ ее гг. Немировичу, Данченко и Лужскому. Обыкновенно принято говорить въ рецензіи сперва объ исполненіи, а потомъ лишь объ постановкѣ, но позвольте на этотъ разъ измѣнить этой традиціи по той простой причинѣ, что постановка «Бранда» геніальна, а исполненіе его посредственное. Уже постановка первой картины развертываетъ передъ зрителями красивую картину горъ норвежскаго фіорда и служитъ удачнымъ фономъ для завязки драматическихъ коллизій Ибсеновской поэмы. Но вторая картина въ гавани во время бури, гдѣ Брандъ на лодченкѣ выѣзжаетъ, чтобы спасти душу умирающаго грѣшника, вызываетъ бур-

ная рукоплесканія переполненнаго театра. Но все же наиболѣе геніальна постановка шестой картины, гдѣ фанатизмъ Бранда увлекаетъ толпу, которая какъ одинъ человѣкъ слѣдуетъ съ глубокой вѣрой за своимъ пастыремъ. Если уже народная сцена второй картины, благодаря тонкому реализму, вызвала шумныя аплодисменты, то финальная сцена шестой картины должна была вызвать стихійныя рукоплесканія, что и случилось. Къ сожалѣнію исполненіе не заслуживало того фона, который ему дали, оно напоминало плохую не художественную картину вставленную въ драгоценную раму художественной работы. Лишь одинъ артистъ—талантливый г. Качаловъ, явился исключеніемъ. Онъ создалъ въ роли Бранда цѣлный яркій жизненный образъ тонко оттѣняя всю гамму душевныхъ страданій героя Ибсена. Г-жа Германова въ роли Агнесы не портила роли, чего про другихъ артистовъ отнюдь нельзя сказать.

А. Б.—нѣ.

Лѣтній БУФФЪ.

Музыкальная мозаика „Ночь любви“ проходитъ съ обычнымъ успѣхомъ.

Выдѣляются, какъ и всегда г.г. Монаховъ, красивый Вавичъ и Токарскій, хотя некультурность его таланта все-же чувствуется.

Легка и изящна талантливая г-жа Шувалова, которую иногда пробуютъ неудачно подмѣнить г-жею Капланъ—пѣвицею съ скудными голосовыми средствами и полнымъ неумѣніемъ держаться на сценѣ.

Г-жа Варламова попрежнему истерично выкрикиваетъ, продѣлывая свои «колѣнца», а г. Полонскій опять «закренделилъ», кстати сказать, не срывая уже прежнихъ аплодисментовъ.

Г. Радомскій все также посредственъ.

«Старый, добрый» А. З. Бураковскій почти на мѣстѣ,—но какъ онъ слабъ въ «Прекрасной голандкѣ» прямо удивительно. Въ его исполненіи голандскій фабрикантъ похожъ на замоскворѣцкаго купчину архаическихъ временъ.

Ансамбль вполне стройный. Очень хороша постановка.

В. Б.

На открытой сценѣ дивертисементъ довольно удачный за исключеніемъ, конечно, „милый“ труппочки „Фантази“ (Каллай), всегда однообразной, выходящей и уходящей безъ единого даже случайнаго хлопка.

Интересный номеръ г. Панинъ—сносный имитаторъ г-жъ Тамары и Вальцевой.

Забавенъ горбунъ экцентрикъ Литль Татъ.

Маленькая M-elle Миньонъ очень музыкальна и ея успѣхъ обезпеченъ.

Г-жа Пушкина къ сожалѣнію пробавляется своимъ старенькимъ рижскимъ репертуаромъ, да къ тому-же эффектную артистку кажется совсѣмъ покинулъ голосъ, а жаль! еще такъ недавно ее встрѣчали самыми бурными аплодисментами, *liveuse* впрочемъ не смущается и выходитъ къ публикѣ нѣсколько разъ.

Труппа Ракоччи бойко отплясываетъ ультра венгерскіе танцы.

Опытный дирижеръ де-Бовэ бодро ведетъ свой оркестръ, а режиссеръ г. Вядро все также оглушительно звонитъ въ колокольчикъ и откровенно высовывается изъ за кулисъ.

Сашинъ.

Литература и писатели.

Литературный генералитетъ.

Я возвращаюсь къ старой, давно уже забытой исторіи, о которой, впрочемъ, не зналъ читающій Петербургъ, кромѣ тѣснаго кружка „состоящихъ въ чинѣ“ литераторовъ, но они постарались не выносить изъ избы сору, и исторія провинціального литератора Чудова такъ и не увидѣла свѣта въ Петербургѣ.

Ея отголоски одинокимъ эхомъ прозвучали въ провинціальной журналистикѣ и замерли въ шумѣ жизни, завертѣлись въ колеса наиболѣе жизненныхъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ.

Вотъ вкратцѣ литературная чудовщина.

1 марта въ союзѣ писателей, гдѣ очень много было знатныхъ писателей, литераторовъ съ именемъ, съ полуименемъ, дутыхъ знаменитостей и просто извѣстныхъ работниковъ печати, состоялось совѣщаніе по вопросу о чествованіи 80-лѣтія „величайшаго писателя земли русской“, Л. Н. Толстого.

Провинціальный журналистъ Чудовъ, послѣ ряда блестящихъ ораторовъ-писателей, поддерживавшихъ съ горячимъ энтузіазмомъ идею такого чествованія, выступилъ со своимъ скромнымъ словомъ.

Я, конечно, не былъ на этомъ собраніи—гдѣ ужъ? куда ужъ?—и не слышалъ рѣчи провинціала Чудова, а беру ея мысль изъ напечатаннаго въ „Волжскомъ Словѣ“ отчета.

Можетъ быть, рѣчь эта по своей конструкции и обобщеніямъ была неудачна, развязна, грубо-откровенна и не приличествовала, чтобы „связывать ее съ дорогимъ именемъ великаго писателя“; можетъ быть, въ силу сказаннаго, голосъ „журнальнаго таракана“ да еще изъ провинціи такъ и остался одинокимъ, что даже репортажъ не обмолвился о ней ни единымъ эхомъ...

Все это я допускаю...

Но тѣмъ не менѣе, тѣ главныя тезисы, которыя Чудовъ проводилъ въ своемъ недослышанномъ и недоконченномъ словѣ, имѣютъ глубокій общественный интересъ, невѣроятно только литераторской корпоративности, а именно во всей ихъ глубинѣ того, чѣмъ живы люди въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу

вообще, въ частности же „братья-писатели“.

Наивный провинціалъ-литераторъ говоритъ о литературной кружковщинѣ о той раковинѣ, въ которую закопались литературные улитки и плотно, наглухо закрылись въ ней, не оставивъ даже крошечной щелки, черезъ которую могъ бы проникнуть чужой воздухъ, чужая атмосфера.

Онъ говорилъ о литераторахъ-генералахъ и ихъ отношеніи къ „меньшому брату“.

Онъ хотѣлъ свои положенія иллюстрировать фактами.

И что-же?

Литературный генералитетъ повернулъ къ нему спину и устроилъ демонстрацію.

Ораторъ молилъ, не громилъ, а молилъ, а синечулочницы презрительно фыркали, шумѣли, кричали.

Знаменитости и полужнаменитости смѣялись со своихъ мѣстъ, со своихъ курительныхъ креселъ и вели между собой бесѣду.

— Какая развязность! Да кто это такой? Неудачный?

Злобствующій непризнанный талантъ?

Дамы визжали:

— Нахаль! Дерзкій! Моветонъ!.. Конечно, не вслухъ, а про себя. Демонстрація удалась.

Робкая рѣчь, подвергшаяся абстракціи, пресѣклась...

И иллюстрированныя картинки тѣхъ мытарствъ, тѣхъ бѣганій по переднимъ редакцій, тѣхъ оломпійскихъ отвѣтовъ редакціонныхъ камеръ-юнкеровъ, о которыхъ возвѣстилъ бы „журнальный тараканъ“ изъ провинціи, литературному генералитету не нужны, потому что онѣ, эти „иллюстрированныя картинки“, имъ непріятны.

Большинство изъ литературнаго генералитета начинало свою карьеру чрезъ протекцію, чрезъ женщинъ, чрезъ свои дипломы, чрезъ родственниковъ или по праву преемственности, по праву наслѣдства: отъ отца къ сыну и т. д.

Меньшинство же, то меньшинство, которое пробивало брешь въ стѣнѣ своимъ лбомъ, забыло муки неувѣренности, безвѣрія въ свои силы, когда ихъ сопровождали пер-

вые литературныя неудачи, потому что старое легче забывается, чѣмъ новое не во мнѣ, а въ другихъ,

Чудовъ искалъ стараго писателя, которыхъ сейчасъ осталось немного въ живыхъ, того писателя, который чутко, любовно, ласково, нѣжно или поощрялъ „меньшаго брата“, или откровенно, безъ лести, открыто говорилъ ему, что онъ не писатель...

Чудовъ искалъ человѣка—писателя и набрелъ на каменную гору злобнаго равнодушія...

Камни обростали мохомъ, скрывая пустое пространство подъ мшистой зеленью и шептали холоднымъ безстрастнымъ голосомъ:

— Куда прешь? Видишь, нѣтъ мѣста.

Это — кружковщина. Это тотъ литературный генералитетъ, который распоряжается во всѣхъ петербургскихъ редакціяхъ мѣстами вакантныхъ гранокъ,—страшно сказать!—не по талантамъ и способностямъ, а по чувству пріязни, по чувству товарищества: „ну, какъ не порадовать родному человѣчку“...

М. Поповъ.

Е. Чириковъ написалъ новую пятиактную пьесу „Бѣлая Ворона“. На дняхъ онъ читалъ это, еще ненапечатанное произведеніе въ квартирѣ одного своего знакомаго. Во время чтеній явилась полиція и составила протоколъ. Чтеніе, однако было разрѣшено закончить до конца. Присутствовавшихъ гостей (50 чел.) переписали. Что же касается самой пьесы, то она произвела на слушателей довольно скромное впечатлѣніе. Написана она, конечно, прекраснымъ языкомъ, масса остроумныхъ выраженій, но безъ содержанія. Затѣмъ выведенные въ пьесѣ типы настолько знакомы, что, какъ выражается одинъ изъ присутствовавшихъ на чтеніи: въ конечномъ результатѣ начинается казаться, что это не произведеніе писателя съ именемъ, а просто какая то вытяжка изъ всей россійской словесности.

Редакція журнала „СЦЕНА и ЖИЗНЬ“ комитетомъ состоявшимся 12 мая т. г. постановила:

1) выразить негодованіе по поводу кулачной расправы журнальныхъ бойцовъ Н. Попова (Нирилова) и В. Климова и

2) просить уважаемаго П. Н. Милюнова принять самое сердечное выраженіе сочувствія.

1.000 человек за бортом.

Комитетъ общества вспомоществованія студентовъ С.-Петербургскаго университета, озабочиваясь судьбою болѣе 1.000 студентовъ сего университета, предположенныхъ къ увольненію съ 15-го мая сего года за невѣдомость платы за слушаніе лекцій, и исчерпавъ всѣ собственныя средства, обращается къ состраданію лицъ, сочувствующихъ студенческой нуждѣ, съ просьбою о пожертвованіи на означенную цѣль.

Пожертвованія принимаются членами комитета: П. Г. Мокіевскимъ (В. О., 10 линія, д. 15), В. В. Вахтинымъ (казначей университета, университетъ), А. А. Рихтеромъ (университетъ, ботаническій кабинетъ) и могутъ быть внесимы въ магазинъ „Новаго Времени“ въ книгу общества.

Дочь Нана. На задворкахъ кустарнаго базара на углу Невскаго и Михайловской вновь выставлена „лебединая пѣсня“ М. Сухоровскаго его картина „Дочь Нана“ и выставлена опять при искусственномъ освѣщеніи. Зимой въ темные дни это освѣщеніе могло еще имѣть нѣкоторое оправданіе, но теперь при яркихъ солнечныхъ дняхъ эта свѣтобоязнь странна. Стоитъ поговорить о художественномъ произведеніи, которое можно лишь показывать при искусственномъ освѣщеніи. „Дочь Нана“ самая ординарная картина, которыхъ не мало можно встрѣтить на выставкѣ Петербургскаго общества художниковъ. Дряблѣе тѣло перерзѣлой красавицы написано правда недурно, но все же картина не стоитъ того, чтобы за лицедрѣніе ея брали бы отдѣльную плату.

— км. —

Отъ редакціи.

Съ настоящаго номера журналъ „Сцена и Жизнь“ на время лѣтнихъ мѣсяцевъ будетъ выходить въ уменьшенномъ количествѣ страницъ въ виду того, что въ лѣтнее время театральная жизнь какъ въ столицѣ, такъ равно и въ другихъ городахъ, временно замираетъ. Въ лѣтнихъ театрахъ, въ увеселительныхъ садахъ, на открытыхъ сценахъ серьезное искусство уступаетъ мѣсто „веселому жанру“, дешевой опереттѣ, кафешантанному разгулу едобныхъ куплетовъ, фиглярству разнаго рода клоуновъ, буффонадѣ цирковаго остроумія, трюкамъ физическаго уродства, дебютамъ „собакъ-артистовъ“, дрессированныхъ а-ля Дуровами, фериамъ, въ которыхъ участвуютъ несмѣтные полчища статистовъ, во-

Выставка современныхъ теченій въ искусствѣ.

Довольно интересной является эта выставка открытая въ залахъ Пассажа. Она какъ бы наглядно показываетъ преимущество одного художественнаго теченія передъ другими и жаль лишь, что теченія эти представлены не достаточно рельефно, не представлены лучшими наиболее типичными своими представителями.

Внѣ группъ стоитъ нѣкій г. Фердинандовъ. У этого художника мало-мальскіи приличны „Вечернее“ и „Уголокъ“. Группа „Вѣнокъ“ навѣваетъ также лишь одну грусть, лучше другихъ здѣсь „Днѣпръ“ и „Степь“ и нѣкоторые виды Таврической губ. Давида Бурлюка и „Швейцарія“ г. Экстеръ. Художественно-психологическая группа вызываетъ уже болѣе интересъ. Очень недурны здѣсь „Сирена“ и „Натурщикъ“ и портреты г. Кульбина, портретъ г. Россовскаго, работы г. Ліандеръ и всѣ вещи даровитаго Н. К. Калмыкова: „Кентавръ“, „Малохъ“, „Вечеръ“, „Тропическое“ и „Докторъ“ (шаржъ) отъ которыхъ вѣетъ искусствомъ. „Союзъ русскихъ художниковъ“ производитъ также хорошее впечатлѣніе ибо онъ представленъ такими художниками, какъ г. Бакстъ, Бенуа, Билибинъ и Лансере и г-жа Остоумова-Лебедева, выставившіе цѣлый рядъ интересныхъ рисунковъ. Группа неореализма возбуждаетъ также интересъ, здѣсь хорошій портретъ г-жи Н. И. Ланской, портреты Перильковича и Эйслеръ. Группа академическихъ теченій, самая правая группа выставки, менѣе интересна, хотя и она даетъ интересную „Натурщицу“ и „Передъ дождемъ“ г. Либерга, портреты г. Матвѣева „Трудъ“ и „Лѣсное озеро“ г. Слабоушкова, „Вечеръ“ г. Манизера и жанры „Торговецъ по нуждѣ“ и „Безработный“ г. Салтыкова. Въ архитектурной группѣ интересны работы г. Лансере и, А. В. Щусева. Выставка обнимаетъ болѣе 400 номеровъ.

Гастроли Франкарди.

Въ театрѣ „Пассажъ“ выступилъ впервые передъ петербургской публикой итальянскій трансформаторъ Оттонъ Франкарди. Кто видѣлъ знаменитаго Фреголи или даже Бернардо, тотъ конечно въ трансформацияхъ г. Франкарди особаго интереса найти не можетъ, ибо г. Франкарди гораздо слабѣе на этомъ поприщѣ, чѣмъ его предшественники. Если же его трансформации пользуются большимъ успѣхомъ у публики, то лишь благодаря тому, что при нихъ г. Франкарди объясняется очень остроумно на русскомъ языкѣ, акцентъ котораго чрезвычайно забавенъ. Главная сила г. Франкарди заключается въ дивертиссементѣ, здѣсь онъ дѣйствительно великолѣпенъ — онъ одинаково талантливо показываетъ фокусы, какъ китайскій фокусникъ, имитируетъ Жени Фужеръ и знаменитаго Каррусо, показываетъ свои магическіе часы (крайне остроумный фокусъ), играетъ на мандолинѣ и ксилофонѣ, выступаетъ какъ чревоушатель и имитируетъ извѣстныхъ композиторовъ напр.: Листа, Оффенбаха, Чайковскаго, Вагнера, Штрауса и мн. другихъ. Каждый номеръ дивертиссементы вызываетъ громкіе аплодисменты по адресу этого артиста съ разностороннимъ дарованіемъ, который успѣшно занимаетъ публику одинъ весь вечеръ.

Б.

Новая форма рекламы.

И. Осиповъ (И. Абельсонъ) въ „Обозрѣніи театровъ“ пишетъ о себѣ:

Я имѣю быть избитымъ, о чемъ г. Полонскій заявилъ въ присутствіи артиста Н. О. Монахова.

Еще угрожалъ мнѣ пресловутый г. Глясъ изъ „Петербургскаго Листка“.

Г. Скроботовъ, редакторъ „Пет. Листка“, привлекаетъ меня къ судебной отвѣтственности.

общему „лѣтнему“ легкому жанру, который приноситъ роздыхъ мысли для утомленныхъ за зиму театраловъ и жрецовъ искусства и даетъ имъ возможность физически и морально отдохнуть на лонѣ природы, въ общеніи съ ней и ея дарами: солнцемъ, воздухомъ, свѣтомъ!..

Лѣто—вакантъ, долго-жданное каникулы тѣмъ, кто работалъ безъ усталости.

Этотъ вакантъ устраиваетъ для себя и наша редакція, въ надеждѣ, что дорогіе читатели не посѣтуютъ на насъ, что журналъ будетъ выпускаться въ половинномъ размѣрѣ, причемъ редакція обѣщаетъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы улучшить литературную часть журнала, дать читателю здоровую и легко переваримую пищу въ видѣ фельетоновъ на злобы дня изъ театрально-литературнаго міра и проч.

Съ возобновленіемъ же зимняго сезона журналъ приметъ обычный свой видъ и полноту и будетъ по возможности тѣмъ рефлекторомъ, тѣмъ отражателемъ—зеркаломъ пробуждающагося послѣ каникулъ серьезнаго искусства, какимъ онъ хотѣлъ быть въ минувшій сезонъ канувшей въ вѣчность зимы 1907 года.

Редакція еженедѣльнаго журнала „Сцена и Жизнь“ покорнѣе проситъ иногороднихъ коммисіонерозъ и агентовъ по розничной продажѣ №№ журнала „Сцена и Жизнь“ въ городахъ: Москвѣ, Кіевѣ, Воронежѣ, Екатеринославѣ, Казани, Николаевѣ, Томскѣ, Харьковѣ, Иркутскѣ и др. поспѣшить уплатой и расчетами за проданные №№.

10374

18487

Редакторъ-Издатель В. Г. БЛОХИНЪ.